

© 2011 г. И. Г. ПОНОМАРЕВА *

БОЯРСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ МОСКОВСКОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА В 1425–1432 годах

После смерти 27 февраля 1425 г. московского великого князя Василия Дмитриевича его единственным прямым наследником остался сын Василий¹, которому 10 марта исполнилось 10 лет². Хотя летописи все дальнейшие действия московской великокняжеской власти связывают с именем Василия Васильевича, в первые годы своего княжения он мог править лишь номинально. Совершеннолетним юный князь признавался с 12 лет³. Но, по-видимому, по достижении Василием II этого возраста в течение нескольких лет его политическая деятельность носила еще формальный характер. Самостоятельное княжение Василия II началось после того, как 5 октября 1432 г. представитель хана царевич Мансыр Улан совершил обряд посажения его на престол⁴, поэтому хронологические рамки статьи ограничены 1432 г.

Историки отводят важную роль в управлении Московским великим княжеством в период малолетства Василия II его боярам. Н.М. Карамзин писал о Василии Васильевиче: «Подобно отцу и деду в начале их государствования, он зависел от Совета боярского»⁵. По мнению Н.А. Полевого, «несколько старых бояр... советников Василия (Дмитриевича. – И.П.) окружили его сына»⁶. М.П. Погодин сетовал, что при малолетнем Василии не было достойных думных бояр⁷. Как считал А.Е. Пресняков, «опекуному юного князя оказался митрополит Фотий с боярами»⁸. В.В. Мавродин назвал московских бояр опекунами юного великого князя⁹. Высказывания Л.В. Черепнина и А.А. Зимина по вопросу об управлении Московским княжеством при малолетнем Василии II представлены несколькими несогласованными тезисами. При этом Черепнин упомянул о «боярском правительстве», а Зимин – о боярских советниках, которым принадлежала «действенная власть»¹⁰. Ю.Г. Алексеев, назвавший время княжения Василия I периодом расцвета боярского правления, тем не менее осторожен в оценке роли бояр при его преемнике: «Можно только гадать, кто олицетворял власть при малолетнем Василии II – мать или бояре с митрополитом»¹¹. И.Б. Михайлова уверена, что в Московском великом княжестве в 1425–1433 гг. имела место особая «форма государственной власти» – правление бояр, хотя подтверждения этому не приводит¹².

Круг бояр, которым историками отведена столь важная роль в управлении Московским великим княжеством при малолетнем Василии II, до настоящего времени не определен. Наиболее влиятельными боярами в окружении Василия Дмитриевича в конце его правления, очевидно, были те, кто присутствовал при составлении его душевной грамоты. Я поддерживаю точку зрения историков, признающих последним из трех завещаний Василия I душевную, представленную в академическом издании второй¹³. Свидетелями ее оформления в период между 20 января 1424 г. и 27 февраля 1425 г.¹⁴ были: князь Юрий Патрикиевич, Иван Дмитриевич, Михаил Андреевич, Иван Федорович и Федор Иванович. Во второй душевной грамоте, следуя предлагаемой теперь последовательности оформления завещаний, названы эти же бояре и Михаил Федорович (Фоминский¹⁵), в последний раз упоминаемый источниками как заверитель

---

* Пономарева Ирина Гавриловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского государственного лингвистического университета.

жалованной грамоты Василия I Ивану Кафтыреву от 30 января 1424 г.¹⁶ Первым в обоих завещаниях назван шурин Василия I князь Юрий Патрикевич, правнук Гедимины, родоначальник князей Патрикеевых, Булгаковых, Щенятевых.

Боярин Иван Дмитриевич фигурирует во всех душевных грамотах Василия I. С.Б. Веселовский определенно писал только об Иване Дмитриевиче, упоминаемом в первом завещании (февраль–июнь 1407 г.¹⁷) и склонен был видеть в нем сына Дмитрия Зерна Ивана Красного, но не его современника – потомка смоленских Рюриковичей Ивана Дмитриевича Всеволожа (Всеволожского)¹⁸. В пользу такой идентификации, как считал историк, свидетельствует «Память Генадия Бутурлина да Михаила Борисовича», перечисляющая бояр Василия Дмитриевича («Как князь Юрьи Патрикевич приехал, а захел бояр Константина Шею, да Ивана Дмитриевича, Володимера Данилович[я], Дмитрея Васильевича, Феодора Кошкина Голтяя»¹⁹). В одном из списков «памяти», по словам Веселовского, Константин Шея и Иван Дмитриевич названы «братьями». Очевидно, историк имел в виду текст из Ундольского II списка Разрядной редакции родословных книг, на который указала М.Е. Бычкова. В нем названо прозвище Ивана Дмитриевича – Зернов. Но Бычкова полагает, что оно привнесено переписчиком, и видит в Иване Дмитриевиче из памяти Всеволожа²⁰. Зимин считал свидетелем последнего завещания, согласно академической публикации, Всеволожа²¹. А.В. Кузьмин пишет об Иване Дмитриевиче только из первого завещания Василия I, считая его Зерновым. В доказательство этого он приводит ряд доводов. Братья Иван Красный и Константин Шея Зерновы в то время по возрасту, а, следовательно, и по службе стояли выше Всеволожей. В подтверждение высокого статуса И.Д. Зернова Кузьмин называет найденную в Новгороде печать начала XV в. с именами новгородских наместников Константина Ивановича и Ивана Дмитриевича²². Он связывает их с Константином Ивановичем Добрыньским (с чем следует согласиться)²³ и Иваном Дмитриевичем Зерновым. Кузьмин также ссылается на «Память Генадия Бутурлина да Михаила Борисовича», которая «прямо указывает на то, что оба брата в начале XV в. были наиболее близкими и влиятельными боярами Василия Дмитриевича», но мнения Бычковой не приводит. Историк отметил также, что заверенные Всеволожем великокняжеские акты известны лишь с 1415 г.²⁴

Выдвижение в первые ряды московской знати Всеволожа, возможно, произошло не позднее 1408 г., так как Иван Дмитриевич упомянут Тверским сборником (правда, как отметила Е.Л. Конявская, только в его Забелинском списке²⁵) в числе бояр, оставшихся в осажденной эмиром Едигеем в декабре этого года Москве. Он назван после Константина Ивановича (Добрыньского) и Константина Дмитриевича (Шеи), но перед Дмитрием Васильевичем (Ратшич, по мнению Веселовского, он же – Дмитрий Афинеевич²⁶), который в последних душевных грамотах не назван, а в первой его имя стоит третьим, перед Иваном Дмитриевичем²⁷. К свидетельству списка бояр Тверского сборника следует относиться с осторожностью. В нем, кроме названных лиц, перечислены Михаил Федорович Морозов, Иван Федорович (Кошкин), Филипп Васильевич, Александр Федорович (Беззубец). Среди тогдашних Морозовых не известен Михаил Федорович. Летопись, видимо, ошибается и в отношении боярина Филиппа Васильевича, по родословцам также неизвестного. Возможно, имелся в виду Филимон Васильевич, сын Василия Туши, который был братом или сыном Ивана Мороза²⁸. Не исключено, что родовое прозвище последнего оказалось приписанным Михаилу Федоровичу, в котором можно видеть Михаила Дурного, младшего сына Федора Кошки²⁹, или, что более вероятно, Михаила Федоровича Крюка Фоминского.

В отношении Ивана Дмитриевича двух последних душевных грамот сомнений быть не может. Присутствовать при их составлении Иван Красный Зернов не мог. Тверская летопись сообщает о гибели в бою рязанской и московской ратей с войском князя Ивана Владимировича Пронского на реке Смядве Игнатия Жеребцова и Ивана Дмитриевича, очевидно Зернова, 1 июня 1408 г.³⁰ Когда в 1407 г. оформлялось первое завещание Василия I, он был еще жив, но справедливости ради следует заметить, что и в нем упомянут Всеволож, иначе трудно объяснить, почему старший из сыновей Зерна

Иван Дмитриевич Красный назван четвертым и после своего младшего брата Константина Дмитриевича Шеи, который стоит в перечне бояр вторым.

Михаил Андреевич, как считает, хотя и без разъяснений, Бычкова, Михаил Челядня³¹. Действительно, других Михайлов Андреевичей из знатных родов в это время неизвестно. На первый взгляд, его присутствие среди ближних бояр странно, тем более что появляющийся в последних душевных грамотах Челядня поставлен сразу третьим по счету, будучи последним из 8 сыновей представителя младшей ветви Ратшичей, внука Акинфа Великого Андрея. Но еще Веселовский подметил, что со времен правления Василия II Челяднины находились в особой близости у великих князей, став на сотню лет одной из самых могущественных боярских фамилий³². С чем связано выдвижение их родоначальника, сказать трудно, но обращает на себя внимание следующий факт: старший сын Михаила Челядни Иван женился на родной племяннице Василия I Елене, дочери Дмитрия Донского Анны и князя Юрия Патрикиевича³³. Очевидно, что именно этот брак, ставший причиной возвышения или его следствием, обеспечил свату сестры Василия I и свекру его племянницы третье место в боярской иерархии. Если соотнести время рождения племянницы Василия I (не ранее 1407 г., так как ее отец оказался на московской службе около 1406–1407 гг.³⁴) и появление на третьей позиции ее свекра во второй душевной Василия I (1422–1423 гг.), можно предположить заключение этого брака в самом начале 1420-х гг.

Иван Федорович, по мнению Веселовского, с которым нельзя не согласиться, – старший сын Федора Андреевича Кошки, хотя его полным тезкой был внук Кошки от второго сына Федора Голтяя. Веселовский, отмечая, что тот нигде не упоминается, считал, что он умер молодым, и предположил, что это произошло во время большого мора (эпидемия оспы 1425–1427 гг.)³⁵. Действительно, западнорусские летописи, сообщая о смерти осенью 1427 г. Ивана Федоровича Голтяева, называют его Ивашко³⁶. Форма имени свидетельствует о молодости. Таким образом, становятся невозможными его боярство и привлечение к оформлению душевной Василия I. В пользу Кошкина свидетельствует и послание Едигея 1408 г., в котором говорится, что он был фаворитом Василия I и оказывал на него большое влияние³⁷. Правда, его брат Федор Голтяй породнился с великокняжеской семьей: Мария Федоровна Голтяева зимой 1407–1408 гг. вышла замуж за Ярослава Владимировича Серпуховского³⁸. Внучка Голтяя от этого брака впоследствии стала женой Василия II, и возможно, этот союз уже планировался в 1420-х гг., что обеспечило бы в перспективе высокое положение дяде Марии Ярославны И.Ф. Голтяеву. Во всяком случае, известие о кончине молодого человека и присутствие при этом Василия II были отмечены летописцами. Но при всем этом невозможно, чтобы в конце правления Василия I Иван Голтяев мог стоять выше своего дяди Ивана Кошкина (в то время старшего в роду), который и должен быть причислен к свидетелям душевных Василия I³⁹. Указанный в завещании последним Федор Иванович, как справедливо считал Веселовский, старший сын Ивана Дмитриевича Зернова Федор Сабур⁴⁰.

Определив круг ближних бояр Василия I, можно сравнить его с составом лиц начала правления Василия II. В первую очередь следует обратиться к заверенным боярами жалованным грамотам. Из оформленных до отъезда в Орду таких актов сохранилось 6 или 7. Среди заверителей – Юрий Патрикиевич, Иван Дмитриевич Всеволож, Иван Федорович Кошкин, Федор Иванович Сабур, Федор Андреевич. Четверо из них свидетели последней душевной Василия I, новая фигура – боярин Федор Андреевич. Михаил Андреевич Челядня, видимо, скончался. Чаще других заверял грамоты Иван Дмитриевич – 4 акта (2 июня 1425 г., 1425–1427 гг. (2 документа), 1428–1432 гг.). В 1425–1427 гг. вместе с Всеволожем и после него подписал 2 жалованные грамоты Иван Федорович Кошкин⁴¹. Остальные бояре (Юрий Патрикиевич, Федор Иванович Сабур и Федор Андреевич) заверили по одному акту соответственно в 1428–1432, 1425–1427, 1430-х гг.⁴² (последний документ, подписанный Федором Андреевичем, мог появиться и после 5 октября 1432 г., его не рассматриваем).

Список видных лиц начала княжения Василия II можно пополнить благодаря летописному известию. Летом 1426 г. литовский великий князь Витовт совершил поход на псковские земли. В урегулировании конфликта со стороны Москвы принял участие Александр Владимирович Лыков⁴³. По преданию, Лыковы – Рюриковичи, ведущие родословную от муромского князя Василия (брата св. Петра Муромского, XIV в.)⁴⁴. Внук Василия – Владимир Данилович Красный Снабдя, боярин Дмитрия Донского, видимо, один из свидетелей первой душевной грамоты Василия I, в которой, как и в «Памяти Генадия Бутурлина да Михаила Борисовича», назван после Ивана Дмитриевича⁴⁵. Таким образом, Александр Владимирович унаследовал «место» отца: попал в число великокняжеских приближенных, очевидно, и в Думу. Под 1428/29 и 1430/31 гг. летопись упоминает воевод князя Федора Давидовича Стародубского Пестрого (Стародубская ветвь Рюриковичей) и Федора Константиновича Симского Добрынского (род Редеди/Редеди)⁴⁶, но их административная деятельность ни в это время, ни позже источниками не показана.

Итак, в числе наиболее влиятельных людей первых лет правления Василия II остались бояре его отца: Юрий Патрикиевич, Иван Дмитриевич Всеволож, Иван Федорович Кошкин и Федор Иванович Сабур. Из их числа выбыл по причине смерти Михаил Андреевич Челядня. В круг виднейших бояр вошел Александр Владимирович Лыков. Состав первых бояр со смертью Василия I мало изменился: почти все выдвинулись еще при нем, а пополнение вызвано их естественным сокращением. Все за исключением Юрия Патрикиевича унаследовали свой статус и являлись собственниками великого князя (Патрикеев, Всеволож, Кошкин) или относились к родовитым фамилиям (Рюрикович(?)) Лыков, представитель московского боярского рода Сабур). Премственность власти налицо. Первыми лицами в узком кругу ближних бояр Василия II остались князь Юрий Патрикиевич и Иван Дмитриевич Всеволож, причем ведущую роль большинство историков отводят Всеволожу, хотя признают, что первым боярином считался Юрий Патрикиевич⁴⁷.

Юрий Патрикиевич выехал из Литвы вместе со старшим братом Федором (родоначальник Хованских)⁴⁸. Братья приходились кровными родственниками великой княгине и ее сыну. Князья и Софья Витовтовна имели общего прадеда – Гедимина. Дед Патрикиевичей – Наримунт (в крещении Глеб–Давид) был женат на татарской царевне, так что князья породнились и с Чингисидами⁴⁹. Федор до начала княжения Василия II не дожил. 11 июня 1424 г. он был направлен наместником в Псков⁵⁰. Когда в городе началась эпидемия, «князь Федоса Патрикиевич того мору оубоявся, поеха изо Пскова со всею челядью своею на Москву, августа въ 22... обаче и тамо смерти не оубежа: не по мнозе времени оумре на Москве»⁵¹. Благодаря браку с сестрой Василия I Анной его младший брат вошел в великокняжескую семью и занял верхнюю ступень в боярской иерархии: имя князя во всех завещаниях Василия Дмитриевича записано первым. Как сказано в «Памяти Федора Ивановича Сабура», передающей, очевидно, предание, «князю Юрию Патрикиевичу князь великий место упросил у бояр, коли за него дал сестру свою великую княжну Анну»⁵². Выдвижение Юрия Патрикиевича вызвало раздражение при дворе, так как он «заехал» старых бояр⁵³. Но князь укоренился в боярской среде, породнившись с влиятельными московскими родами. Родственные связи Марии, жены его старшего сына Василия⁵⁴, неизвестны. Младший, Иван, женился на дочери великокняжеского боярина и казначея Владимира Григорьевича Ховрина⁵⁵. Дочь Юрия Патрикиевича Елена вышла замуж за Ивана Михайловича Челяднина⁵⁶. Как первый боярин Юрий Патрикиевич мог занимать должность конюшого, как и его сын⁵⁷. В целом, номинальное первенство литовского князя среди московских бояр не подлежит сомнению, но его реальный статус в начале правления Василия II не ясен.

Деятельность Всеволожа, утратившего титул потомка смоленских Рюриковичей⁵⁸, освещена источниками полнее: он – самая яркая фигура московского боярства первой трети XV в.⁵⁹ В Москву выехал при Дмитрии Донском его дед. По подсчетам Всеволожского, Всеволож родился около 1370 г.⁶⁰ Его тесть Николай (Микула) Васильевич Вельяминов женился не позднее начала 1366 г., возможно одновременно с великим

князем Дмитрием Ивановичем (18 января 1366 г.⁶¹), если принять во внимание легенду о подмене пояса из великокняжеского приданого на свадьбе В.В. Вельяминовым, женившим сына Микулу на старшей сестре великой княгини⁶². В любом случае, брак младшей сестры не мог состояться раньше старшей. Микула погиб в 1380 г., следовательно, жена Всеволожа родилась между 1366 и 1381 гг. Юрий Патрикиевич в 1406–1407 гг. только женился⁶³. Всеволож в 10-х гг. XV в. уже выдал замуж старшую из дочерей. В составленной вскоре после свадьбы Юрия первой душевной грамоте Василия I Иван Дмитриевич назван среди бояр-свидетелей четвертым по счету, а в двух следующих – вторым. Это перемещение следует связывать со смертью старых бояр: Константина Шеи и Дмитрия Афинеевича. Появление Ивана Дмитриевича в первых рядах московского боярства можно объяснить его принадлежностью к Рюриковичам и удачной женитьбой на дочери Микулы Вельяминова. Проследив «движение родов» на протяжении XIV в., Веселовский пришел к выводу, что первое место при дворе занимали тысяцкие Вельяминовы⁶⁴. Несмотря на то что у отца тестя Всеволожа было трое сыновей, по стечению обстоятельств унаследовал высокий статус семьи зять Микулы, второго из братьев. Старший сын тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова Иван оказался замешан в серьезной политической интриге, и «велел его казнити князь великий в опале, а секли ему голову на Кучкове поле... А от Ивана дети опалы его дядя в своем роду и в счете не стояли», другими словами, его потомство навсегда лишилось положения при дворе. Микула погиб на Куликовом поле, не оставив мужского потомства. Третий брат Полиевкт «убился с церкви». У него также не осталось сыновей, но его дочь Евпраксия стала удельной княгиней, 16 января 1407 г. выйдя замуж за брата Василия I кн. Петра Дмитриевича Дмитровского⁶⁵. Если бы при дворе не появился Юрий Патрикиевич, Всеволож после выбывания старшего поколения бояр возглавил бы придворную иерархию⁶⁶. Веселовский, правда, считал, что к концу XIV в. потомки Ратши Акинфовичи занимают «настолько видное положение, что его можно сравнить с положением Вельяминовых в XIV в.»⁶⁷, но вторая по счету подпись Всеволожа в последних душевных Василия I не оставляет сомнений в более высоком положении Всеволожа по сравнению с ними.

Родственным связям Ивана Дмитриевича современники могли только завидовать. Его теща, старшая дочь великого Суздальского князя Дмитрия Константиновича и свояченица Дмитрия Донского Мария Дмитриевна, была крестной матерью младшего сына Дмитрия Ивановича – Константина, крестным отцом которого являлся его брат Василий, будущий великий князь⁶⁸. Старшая дочь Всеволожа Елена около 1411 г. вышла замуж за удельного князя Андрея Владимировича Радонежского. А.Б. Мазуров и А.Ю. Никандров считают, что после смерти зятя Всеволож стал опекуном его семьи и владений. Радонежская внучка Всеволожа обручилась с сыном Юрия Галичского Василием Юрьевичем Косым между 1425 и 1429 гг. Обручение состоялось «по смерти княже Андрееве (25 сентября 1425 г. – 24 декабря 1426 г.⁶⁹ – *И.П.*) и по ординьском приходе» (1429 г.)⁷⁰. Время заключения брака неизвестно, но он был оформлен до февраля 1433 г.: на состоявшейся тогда свадьбе Василия II возник конфликт из-за того, что на Василии Юрьевиче был замечен пояс якобы из приданного Дмитрия Донского, будто бы подмененный отцом тестя Всеволожа и переданный последним Василию Юрьевичу также в качестве приданого за внучкой⁷¹. Василий Юрьевич был вторым сыном Галичского князя, но его старший брат Иван по каким-то причинам не участвовал в политической жизни и умер молодым⁷². То, что Всеволож породнился с галичской ветвью московской династии, было весьма дальновидным шагом, учитывая притязания Юрия Галичского на великокняжеский стол и перспективу наследования его Василием Юрьевичем. Всеволож состоял в свойстве и с тверским княжеским домом, а через него и еще раз с московским: вторая дочь боярина в начале 1420-х гг. вышла замуж за двоюродного брата Софьи Витовтовны князя Юрия Ивановича, младшего сына Тверского великого князя Ивана Михайловича (1399–1425 гг.), женатого на сестре Витовта и тетке Софьи Марии. Если рано овдовевшая дочь Всеволожа не умерла, как и ее муж во время эпидемии оспы середины 1420-х гг. (он недолго занимал великокняжеский престол

в 1425 г.), дальнейшая ее жизнь пришлось на время великого княжения племянника мужа Бориса Александровича⁷³. Судя по всему, Ивану Дмитриевичу удалось потеснить Юрия Патрикеевича, довольствовавшегося почетным, но формальным первым местом среди московских бояр, и только опала Всеволожа позволила князю реализовать свой статус.

Из текста «Записи о душегубстве» следует, что Софья Витовтовна осуществила в Москве реформу судопроизводства «при Иване при Дмитриевиче»⁷⁴ (очевидно, до поездки в Орду осенью 1431 г.). Это замечание с учетом свойства Всеволожа с Вельяминовыми, не раз занимавшими должность тысяцкого до ее упразднения⁷⁵, позволяет с очень большой долей вероятности говорить об исполнении им должности великокняжеского московского наместника⁷⁶. Юрий Патрикеевич, возможно, также, получил эту должность, но лишь в 1430-х гг., после опалы Всеволожа. Предположение Зимина о наместничестве князя в это время основано на косвенных данных: когда в 1439 г. под Москвой появились войска Улуг-Мухаммеда, Василий II «не успе събраться» и оставил в столице своего дядю, а сам ушел на Вологду⁷⁷. В 70–90-х гг. XV в. великокняжеским наместником был сын Юрия Патрикеевича Иван⁷⁸, что при учете прослеживаемой наследственности в замещении должностей в те времена делает факт наместничества его отца также весьма вероятным.

Всеволож в походе 1429 г., когда пришлось отражать татарский набег на Галич и Кострому, предводительствовал полками великого князя. В роли московского полководца видим и Юрия Патрикеевича, но опять-таки после опалы Ивана Дмитриевича. В 1433 г. «князь велики посла воеводу своего князя Юрья Патрикеевича, а с ним двор свои, многие люди, на Кострому, на Юрьевичев»⁷⁹. Всеволож обошел Юрия и на политическом поприще. Искушенный в придворных интригах боярин сопровождал Василия II в Орду (август 1431 г. – июнь 1432 г.), где предстояло отстаивать его права на престол, и успешно справился с возложенной на него миссией. В этой поездке юного великого князя сопровождали также родственники могущественного боярина. Младший брат Ивана Дмитриевича Федор Турик и его жена Соломония (Соломонида) имели двух сыновей (Федор, Никита) и дочь Марию, выданную замуж за служившего Василию II князя Василия Ивановича Косого Оболенского (его первый брак)⁸⁰. Партия, несомненно, весьма удачная и свидетельствующая о высоком положении тестя. Оболенский, по мнению А.А. Горского, до 1449 г., после смерти брата Никиты, остался старшим в роду⁸¹. Источники, сообщая о судьбе членов семьи Турика, предоставляют противоречивую информацию. Согласно родословным книгам, Федор погиб в Белевском бою в 1437 г., а Никита умер в 1432 г., «из Орды идучи с великим князем»⁸². Но, согласно летописным данным, на обратном пути из Орды умер Федор⁸³. По мнению же Веселовского, во время возвращения из Орды умер сам Турик, а в 1437 г. погиб Никита⁸⁴. Кузьмин определяет смерть Федора Турика по-разному: до 1428 г. и до начала 1430-х гг., указывая на вклад в Троицкий монастырь Добрынинской пустоши в Кинеле 1428–4432 гг. (при игумене Савве) его жены Соломонии и младшего сына Никиты⁸⁵. По актовому материалу, Никита был жив и в 1433–1434 гг.: Никита Федорович Туриков послушествовал при составлении отводной Александра Владимировича (Лыкова) Троицкому Махришскому монастырю на отданное им монастырю село Зеленцино с деревнями в Переяславском уезде⁸⁶.

Незадолго до свадьбы великого князя Всеволож вместе с Александром Владимировичем Лыковым покинул московский двор. 25 апреля – 28 сентября 1433 г. Иван Дмитриевич и Александр Владимирович уже как бояре великого князя Юрия Галичского подписали его жалованную тарханно-оброчную и несудимую грамоту архимандриту Чудова монастыря Феофану на села Лужковское, Павловское и Манаковское в Московском уезде⁸⁷. Свидетельство Турикова при оформлении упомянутой отводной грамоты Лыкова и близкое родство с Всеволожем делают вполне вероятным отъезд с ними также и Туриковых.

Отъезд и опалу Всеволожа Веселовский связал с конфликтом по поводу брака великого князя⁸⁸. Согласно Никоновской летописи (памятник 20–30-х гг. XVI в.)⁸⁹ в

Орде Всеволож получил обещание Василия II жениться на его дочери⁹⁰. Источники из современного летописи Медоварцевского сборника (памятник конца 1520-х гг. – начала 1531 г.) указывают на другой брачный проект. В помещенном в нем «Русском летописце вкратце» говорится, что Всеволож был «оклеветан и зрака лишен», в частности, за то, что в Орде «с князем Юрьем сватался дочерью своею за его сына»⁹¹. Этот факт зафиксирован и в генеалогических материалах сборника, куда включено «Послание о Мономаховом венце» Спиридона–Саввы, завершающееся родословием литовских князей и их потомков Патрикеевых. Последнее Р.П. Дмитриева объяснила написанием Послания по заказу Вассиана (Василия Ивановича) Патрикеева⁹², внука Юрия Патрикеевича. Я.С. Лурье подчеркнул, что в сборнике связь с Патрикеевыми прослеживается еще и потому, что в нем родословие Гедиминовичей продолжено и заканчивается на Михаиле Ивановиче Голице (родоначальник Голицыных), потомке как Патрикеевых, так и Всеволожских, род которых по мужской линии пресекается⁹³. В медоварцевской родословной Всеволожей также сообщается, что одна из двух дочерей Ивана Дмитриевича «сватана была... князем Юрьем за Шемяку»⁹⁴. Предания о предполагавшихся браках могут вызывать сомнения, но хорошо иллюстрируют масштаб амбиций боярина.

Не исключено, что причина конфликта не сводилась только к раздражению великокняжеской семьи, вызванному чрезмерными притязаниями Всеволожа. Лурье на отрывочных известиях летописей сделал заключение, что опала и ослепление боярина были связаны с не вполне удачным для Василия II окончанием спора из-за великого княжения в Орде: пришлось уступить в качестве компенсации Юрию Дмитров⁹⁵. Можно думать, дальновидный боярин, отстаивая право на престол для своего подопечного, учитывал и вероятность появления на Московском престоле галичского князя.

Нельзя, наконец, исключить и такую причину отъезда боярина, как желание молодого правителя, поддерживаемого матерью, взять бразды правления в свои руки и избавиться от начавшей тяготить возмужавшего князя опеки. Возможно, необходимость долгое время находиться в зависимости от амбициозного, склонного к политическим интригам и, видимо, стремившегося манипулировать членами великокняжеской семьи боярина, в конечном итоге, вызвало раздражение матери и сына. Во всяком случае, удаление Всеволожа из двора совпадает со временем начала самостоятельного правления Василия II. Неизвестно, существовала ли сложившаяся практика вывода из Думы лиц, по каким-либо причинам больше не устраивавших великого князя, кроме опалы. Добивалась ли этого великокняжеская семья или нет, но Всеволож покинул двор. «Иванъ Дмитреевичъ съ Москвы побежа ко князю Констянтину Дмитреевичу на Угльчъ, къ дяде великого князя Василю Васильевичу, и отголе во Тферь, а со Твери въ Галичъ». Оказавшись, в конечном итоге, у соперника Василия II, боярин «начать подговаривати его на великое княжение»⁹⁶. Некоторые летописи подчеркивают, что в походе Юрия и его детей на Москву участвовали Иван Дмитриевич и его сыновья⁹⁷.

В целом, служебная деятельность бояр в период малолетства Василия II, как видно из приведенных данных источников, носила традиционный характер. Судьбы первых лиц сложились по-разному. После того, как Юрий Дмитриевич выиграл сражение на Клязьме 25 апреля 1433 г., он смог, наконец, завладеть великокняжеским столом. Наслаждался плодами победы князь недолго. К Василию Васильевичу в полученную им от более удачливого дяди «в удел» Коломну «побегоша» служилые люди «от мала и до велика». Попытался было вернуться с повинной к прежнему господину и Иван Дмитриевич с детьми⁹⁸. Но возвративший престол Василий II «Ивана Дмитриевича поималъ и велель его ослепити»⁹⁹. Падение Всеволожа устранило «двойственность» в положении Юрия Патрикеевича, он безраздельно занял место первого боярина. Последнее упоминание о нем связано с возвращением Василия II в 1445 г. из татарского плена в Москву. 14 июля москвичи пережили пожар, «град Москва внутри города... выгоре весь». Великий князь остановился сначала «на Ваганькове» у матери, а затем в Кремле на дворе Юрия Патрикеевича¹⁰⁰.

О репрессиях в отношении Лыкова и его службе после перехода к Юрию сведений нет. Он дожил, по меньшей мере, до середины 1440-х гг., когда с братом Иваном

был послухом при оформлении вклада Игнатия Васильевича Минаина в Симонов монастырь¹⁰¹. Иван Федорович Кошкин в 1441–1448 гг. заверил 4 жалованные грамоты Софьи Витовтовны¹⁰², при дворе которой, похоже, завершил свою карьеру. Нет сведений о Федоре Сабуре, но наводит на размышления факт службы позднее у Шемяки его сына Михаила, который в 1447 г. сопровождал отпущенную Дмитрием Юрьевичем из плена Софью Витовтовну в Москву. «Добив челом» великому князю, он остался на великокняжеской службе¹⁰³.

Передача престола московским великим князем Василием Дмитриевичем своему сыну ознаменовалась династическим кризисом, завершившимся победой великокняжеской семьи, сумевшей, опираясь на боярство, сплотить двор вокруг малолетнего Василия Васильевича. При его переходе к самостоятельному правлению великокняжеское окружение пережило новый политический кризис, результатом которого стали существенные изменения в составе его верхушки и временная потеря Василием II престола. Оба эпизода политической истории Московского великого княжества второй четверти XV в. являются ярким примером того, какую роль играли бояре в решении важнейших государственно-политических вопросов того времени.

Примечания

¹ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 246.

² Василий Васильевич родился в 1415 г. (Там же. С. 241).

³ Кучкин В.А. К характеристике второго договора Василия I с Владимиром Серпуховским // Великий Новгород и Средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009. С. 400–401.

⁴ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 64; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 249–250; ПСРЛ. Т. 27. М., Л., 1962. С. 344.

⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. М., 1993. С. 134.

⁶ Полевой Н.А. История русского народа. Т. 3. Кн. V. М., 1997. С. 143.

⁷ Погодин М.П. О Москве // Погодин М. Историко-критические отрывки. Кн. I. М., 1846. С. 146, 147–148.

⁸ Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 386.

⁹ Мавродин В.В. Образование единого русского государства. Л., 1951. С. 144–145.

¹⁰ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 745; Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 165.

¹¹ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. СПб., 1998. С. 30–50, 51.

¹² Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. СПб., 2003. С. 394; она же. Смута на Руси во второй четверти XV в. // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. СПб.; Ижевск, 2002. № 2. С. 7.

¹³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ). М.; Л., 1950. № 21. Историографию датировки душевных грамот Василия I см.: Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв. М., 2008. С. 232–239.

¹⁴ Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Указ. соч. С. 239.

¹⁵ Там же. С. 235, 237.

¹⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). Т. III. М., 1964. № 239.

¹⁷ Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Указ. соч. С. 239.

¹⁸ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 23, примеч. 29; 168–169.

¹⁹ Родословные материалы в Синодальном списке Типографской летописи // ПСРЛ. Т. 24. М., 2000 (далее – Родословные материалы). С. 232. Г.И. Бутурлин умер между концом 1464 и началом 1466 г. Михаил Борисович, как предполагают историки, Плещеев, скончался в 1468 г. (Назаров В.Д. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. III. Троицкий старец Геннадий Бутурлин // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 182; Веселовский С.Б. Исследования по истории класса... С. 254). Назаров датирует память 1440 – серединой 1450-х гг., Зимин – временем не ранее середины века,

Кучкин – 1450-ми – первой половиной 1460-х гг. (*Зимин А.А.* Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI в. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 112; *Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 188; *Кучкин В.А.* Большой московский наместник Иван Юрьевич Патрикеев // Отечественная история. 2006. № 1. С. 155–156).

²⁰ РГБ, ф. 310 (Собрание Ундольского), № 813; *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 91; *она же.* Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 82–83, 87.

²¹ *Зимин А.А.* Витязь на распутье... С. 165–166.

²² *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998. С. 76.

²³ В ранней публикации Янин высказал предположение (от которого в издании 1998 г. отказался), что одним из этих лиц мог быть служилый новгородский князь Константин Иванович Белозерский (*Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. М., 1970. С. 236–237). О службе Константина Ивановича Добрынского (род Редеги/Редеди) сведений нет, как и о его боярстве, «однако, судя по карьере и богатству его сыновей, Константин, несомненно, был значительным человеком» (*Веселовский О.Б.* Исследования по истории класса... С. 302). Во всяком случае, в первые годы самостоятельного правления Василия II дети Константина Ивановича входили в круг лиц, находившихся в особой близости к нему.

²⁴ АСЭИ. Т. I. М., 1952. № 30, 31; *Кузьмин А.В.* Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV в. (Ч. I. Всеволож-Заболоцкие, Вольнские, Липятины) // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М., 2004. С. 711–712.

²⁵ *Конявская Е.Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М., 2007. С. 240.

²⁶ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 443.

²⁷ ПСРЛ. 15. Вып. 1. М., 1965. Стб. 483; *Конявская Е.Л.* Указ. соч. С. 240.

²⁸ В родословном присутствуют оба варианта. Веселовский и Янин считают более правильным видеть в Василии Туше брата Ивана Мороза (*Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 197–198; *Янин В.Л.* К вопросу о происхождении Морозовых // История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 191).

²⁹ Летописная и Румянцевская редакции родословных книг / Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 46, 153.

³⁰ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 481; *Кузьмин А.В.* Указ. соч. С. 711.

³¹ *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов... С. 86.

³² *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 128. При этом Веселовский считал, что Михаил Челядня был пожалован в бояре в конце правления Василия I (*он же.* Исследования по истории класса... С. 71).

³³ Родословные материалы. С. 232; Летописная и Румянцевская редакции... С. 129; Патриаршая редакция родословных книг // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. X. М., 1851. Отд. 2. С. 104.

³⁴ *Кучкин В.А.* Большой московский наместник... С. 154–157.

³⁵ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 148, 149.

³⁶ Вскоре после Воздвижения, 14 сентября 6935 г. (мартовский стиль) (ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 33, 56).

³⁷ Вопрос о происхождении послания (грамоты, «ярлыка») Едигея Василию I в литературе не решен (*Лурье Я.С.* Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Т. 39. Л., 1985. С. 291, 292, 296; *Ивина Л.И.* Правящая элита Русского государства конца XIV – первой половины XVI вв. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. С. 126). Памятник сохранился в виде списка (Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. Ч. II. М., 1819. № 15. С. 16–17) и в составе летописей: Новгородской IV и Никоновской (ПСРЛ. Т. 4. Ч. I. М., 2000. С. 406–407; Т. 11. М., 2000. С. 209–210). Известие об Иване Федоровиче Кошкине следует учитывать независимо от решения вопроса о подлинности «ярлыка». В случае его фальсификации это замечание должно восприниматься как факт, воспроизводящий устную традицию, дающую представление о бытовавших при дворе взглядах о нем.

³⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 237. После декабря 1407 г. (мартовский стиль 6915 г.).

³⁹ ДДГ. № 20. С. 57; № 21. С. 59; № 22. С. 62.

⁴⁰ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 169.

⁴¹ Всеволож почему-то подписывал акты вместе с другим боярином. С подобной практикой сталкиваемся и после его перехода к Юрию Галичскому в случае, когда он вместе с А.В. Лыковым подписал жалованную грамоту Юрия Дмитриевича Чудову монастырю на 3 села в Сурожи-

ке в Московском уезде. При публикации акт датирован 25 апреля – 28 сентября 1433 г., временем великого княжения Юрия (*Антонов А.В., Баранов К.В.* Неизвестные акты XIV–XVI века из архива московского Чудова монастыря // *Русский дипломатариум*. Вып. 2. М., 1997. С. 12. № 3. Идентификация Лыкова и датировка на С. 5–6).

⁴² АСЭИ. Т. I. № 44, 47–49, 55, 57; Т. II. М., 1958. № 439.

⁴³ ПСРЛ. Т. 25. С. 247. Участие именно Лыкова можно объяснить связями семьи с Псковом: его отец при Василии I был там наместником (*Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 458).

⁴⁴ Д. Тихомиров дает следующую роспись Муромских князей. Ярослав Святославич (1129) – Святослав (1143) – Владимир (1161) – Юрий (1175). Его дети: Владимир (1204) и Давид (1228). Сын Давида – Ярослав. Его дети: Юрий и Василий (1345) (*Тихомиров Д.* Исторические исследования о генеалогии князей: Рязанских, муромских и пронских с приложением родословных росписей. М., 1844. Приложения).

⁴⁵ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 458; *Летописная и Румянцевская редакции...* С. 180. Хотя в душевной сохранилось только имя боярина (ДДГ. № 20. С. 57), отчество дает список бояр-послухов завещания в Родословных материалах Синодального списка Типографской летописи (ПСРЛ. Т. 24. С. 232).

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 248.

⁴⁷ *Полевой Н.А.* Указ. соч. С. 143; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен / Сочинения. Кн. II. Т. 3–4. М., 1988. С. 383; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 331–332, 369; *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 755; *Греков Б.Д.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 126; *Зимин А.А.* Витязь на распутье... С. 31.

⁴⁸ *Летописная и Румянцевская редакции...* С. 88.

⁴⁹ Там же; *Кучкин В.А.* Большой московский наместник... С. 154–158; *Яковенко Н.Н.* Персональный состав княжеской прослойки Волыни и Центральной Украины конца XIV – середины XVII в. Князь в свете закона и традиций // *Историческая генеалогия*. № 1. Екатеринбург, 1993. С. 45.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 35; Вып. 2. М., 2000. С. 39.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 40.

⁵² Память Федора Ивановича Сабура // *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 25. А.Н. Маркевич отметил, что, несмотря на свое название, это «память» не самого Сабура, так как о нем говорится в третьем лице (*Маркевич А.* О местничестве. Ч. I. Киев, 1879. С. 782). Таким образом, запись предания, очевидно, следует отнести ко времени после смерти Сабура. Последний раз он упоминается как заверитель жалованной грамоты на имя троического игумена Никона, умершего осенью 1427 г. (АСЭИ. Т. I. № 49. Хронологическая справка. С. 764). Кучкин отнес появление памяти к XVI в. (*Кучкин В.А.* Большой московский наместник... С. 158).

⁵³ «Память Генадія Бутурлина да Михаила Борисовичя» / Родословные материалы. С. 232.

⁵⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. I. М., 1951. № 30.

⁵⁵ Устюжский летописный свод. М., 1950. С. 81; ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 154.

⁵⁶ Родословные материалы. С. 232; *Летописная и Румянцевская редакции...* С. 129; Патриаршая редакция родословных книг. С. 104.

⁵⁷ Иван Юрьевич Патрикеев – первый известный московский конюший (4 августа 1448 г. Софья Витовтовна дала Ферапонтову монастырю «деревню Ивановскую Юрьева конюшего Карповскую, и с селищи, и с пустошми» в Янгасаре (Вологодский уезд). «За городомъ» «Ивановское место конюшого», согласно завещанию Софьи при обмене владениями она передала Ивану Старкову (АСЭИ. Т. II. № 323; ДДГ. № 57. С. 177).

⁵⁸ *Кузьмин А.В.* Указ. соч. С. 703–718.

⁵⁹ Очерк о нем см.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 335–348.

⁶⁰ Там же. С. 336.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 394; *Кучкин В.А.* Дмитрий Донской // *Вопросы истории*. 1995. № 5–6. С. 66.

⁶² ПСРЛ. Т. 25. С. 250.

⁶³ *Кучкин В.А.* Большой московский наместник... С. 154–157.

⁶⁴ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 493.

⁶⁵ *Летописная и Румянцевская редакции...* С. 135–136; ПСРЛ. Т. 25. 236; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 218, 493.

⁶⁶ В молодости в местнических счетах Всеволож уступал, например, Ратшичу Андрею Ивановичу, отцу Свибла, Хромого, Остея, Бутурли (*Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 336).

⁶⁷ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 506.

⁶⁸ Родословные материалы. С. 232; Летописная и Румянцевская редакции... С. 65; ПСРЛ. Т. 25. С. 215, 250.

⁶⁹ *Мазуров А.Б., Никандров А.Ю.* Указ. соч. Приложения. С. 259 (Серпуховская ветвь московского княжеского дома), 140, 146.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 487; Т. 25. С. 247, 248, 250. Веселовский относит обручение к 1431/32 г. Назаров к июлю или сентябрю 1432 г. (*Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 336; *Назаров В.Д.* Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. II. Боярин Радонежского удела В.Б. Копнин и его род в XV в. // Троице-Сергиева лава в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы международной конференции 29 сентября – 1 октября 1998 г. М., 2000. С. 51).

⁷¹ Родословные материалы. С. 232; ПСРЛ. Т. 25. С. 250. О том, что за обручением последовало заключение брака, свидетельствуют и родословные источники (Летописная и Румянцевская редакции... С. 11).

⁷² Иван Юрьевич впервые упоминается в 1408 г., когда сидел в осажденной Едигеем Москве, умер в 1432 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 238; Т. 24. С. 182; *Семенченко Г.В.* Неизвестный сын Юрия Галицкого и политическая борьба на Руси в начале 30-х гг. XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 22. Л., 1991. С. 188–192).

⁷³ В Московском летописном своде событие отнесено к зиме и помещено в конце статьи за 6929 (1421) г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 245), в Тверском сборнике и Типографской летописях – к осени 6930 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 488–489; 24. С. 181); *Экземплярский А.В.* Указ. соч. С. 497, 504, 642. Кузьмин датирует брак 1421 г. (*Кузьмин А.В.* Указ. соч. С. 706).

⁷⁴ АСЭИ. Т. III. № 12. С. 28.

⁷⁵ О должности тысяцкого см.: *Кучкин В.А.* Тысяцкие средневековой Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3. С. 57–59. Ликвидация должности тысяцкого в 1373 г., по-видимому, сопровождалась созданием системы должностей, включавшей великокняжеского московского наместника и наместников, управлявших «третьями» Москвы и городских станов (*Чернов С.З.* Микрорегиональные исследования исторических территорий средневековой Руси: новые возможности, проблемы, перспективы // Средневековая Русь. 2007. Вып. 7. С. 252).

⁷⁶ О переходе функций тысяцкого к большому московскому наместнику писали М.Н. Тихомиров и А.А. Зимин (*Тихомиров М.Н.* Московские третники, тысяцкие и наместники // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. Т. 3. № 4. С. 319; Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. С. 204). О наместничестве Всеволожа впервые также писал М.Н. Тихомиров (*Тихомиров М.Н.* Древняя Москва. М., 1947. С. 81–82). О функциях большого московского наместника см.: *Кучкин В.А.* Большой московский наместник... С. 160.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 260; *Зимин А.А.* Витязь на распутье... С. 88, 164.

⁷⁸ Подробнее см.: *Кучкин В.А.* Большой московский наместник... С. 460–165.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 248, 251.

⁸⁰ Летописная и Румянцевская редакции... С. 51, 139–140. В 1428–1432 гг. Соломония (в иночестве София), Федорова жена Дмитриевича с сыном Никитой сделала вклад в Троицкий монастырь (АСЭИ. Т. I. № 58). Имя дочери Федора Турика известно по сообщению о ее пленении со снохой Стефанидой татарами осенью 1449 г. (ПСРЛ. Т. 23. С. 154).

⁸¹ Только В.И. Оболенского можно видеть в тарусском князе в договоре Василия II с Казимиром IV от этого года (ДДГ. № 53. С. 161; *Горский А.А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вنة Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 156–157).

⁸² Летописная и Румянцевская редакции... С. 51, 139–140.

⁸³ ПСРЛ. Т. 25. С. 260.

⁸⁴ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 347; АСЭИ. Т. I. № 58, комментарий к акту. С. 598.

⁸⁵ АСЭИ. Т. I. № 58; *Кузьмин А.В.* Указ. соч. С. 712–713.

⁸⁶ АСЭИ. Т. I. № 110, комментарий к акту. С. 600.

⁸⁷ *Антонов А.В., Баранов К.В.* Указ. соч. С. 12. № 3.

⁸⁸ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 340.

⁸⁹ *Клосс Б.М.* Предисловие к изданию 2000 г. Летописного сборника, именуемого Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. М., 2000. С. V–VI.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 12. М., 2007. С. 17.

⁹¹ *Лурье Я.С.* Рассказ о боярине И.Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1977 год. М., 1977. С. 9–10.

⁹² *Дмитриева Р.П.* Спиридон-Савва // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 410.

⁹³ Отец Михаила Ивановича Иван Васильевич Булгак, внук Ю.И. Патрикеева, был женат на внучке Всеволожа Евпраксии (Аксинье) Ивановне (Летописная и Румянцевская редакции... С. 139; Родословные материалы. С. 230). Согласно более позднему источнику Иван Булгак был женат на дочери Ивана Ивановича Заболоцкого (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... (Бархатная книга). Ч. II. М., 1787. С. 43; *Лурье Я.С.* Рассказ о боярине И.Д. Всеволожском... С. 10).

⁹⁴ *Лурье Я.С.* Рассказ о боярине И.Д. Всеволожском... С. 11, сноска 18.

⁹⁵ Там же. С. 10.

⁹⁶ Там же. С. 17; ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 172.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 39. С. 144; Т. 23. С. 147.

⁹⁸ Там же. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 66.

⁹⁹ Там же. Т. 15. Стб., 490 (под 6942 г.). В Типографской летописи под 1433 г., перед сообщением о походе против Юрьевичей и битвой на р. Куси 28 сентября (Там же. Т. 24. С. 182). В Ермолинской летописи явно испорченная переписчиками запись: «Того же лета (6941) князя великого Иванъ Дмитревичъ поималь, и с детьми, да и очи ему вымали» (Там же. Т. 23. С. 148; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса... С. 346).

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 263, 264.

¹⁰¹ АСЭИ. Т. II. № 342, комментарий к акту. С. 560.

¹⁰² *Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты из архивов русских монастырей и церквей // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. С. 34–35. № 25; АСЭИ. Т. I. № 217, 218; Т. II. № 323.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 25. С. 269.

© 2011 г. А. В. БЕЛЯКОВ*

КРЕЩЕНИЕ СЛУЖИЛЫХ ЧИНГИСИДОВ В РОССИИ XVI – XVII веков

С XV в. в Московском государстве волею судеб оказалось достаточно большое число Чингисидов – потомков старшего сына Чингисхана Джучи, – проживавших на обширных просторах Дешт-и-Кипчака и имевших право на власть на постордынском пространстве. Причины, по которым представители «золотого рода» попадали в Москву, были различны. Это и бегство от ужасов войны, и борьба за власть на просторах распадающейся Орды, и пленение. В ряде случаев их отсылали на Русь родственники, тем самым бескровно выводя их из списков претендентов на престол¹.

Со временем некоторые из Чингисидов принимали православие, однако говорить о их личных религиозных чувствах сложно. Вряд ли в других условиях они бы сменили веру отцов. Но, кажется, некоторые из них смогли стать хорошими христианами, и наиболее ярким примером является царь Симеон Бекбулатович, оставивший по себе память как строитель и покровитель многих церквей². Крещение создавало предпосылки для их сближения с высшей московской знатью. В историографии неоднократно освещались отдельные случаи крещения служилых царей и царевичей для решения конкретных целей, но комплексного исследования данной проблемы не проводилось. Попытаюсь собрать все известные случаи крещения Чингисидов в России. Это позволит представить изменения в отношении к ним, определить их статус.

---

* **Беляков Андрей Васильевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Рязанского филиала Московского психолого-социального института.